

Артур Конан Дойл. De profundis

Покуда океаны связывают воедино огромную, широко раскинувшуюся по всему свету Британскую империю, наши сердца будут овеяны романтикой. Ибо точно так же, как воды океанов испытывают воздействие Луны, душа человека подвержена воздействию этих вод, а когда главные торговые пути империи пролегают по океанским просторам, где путешественник видит столько удивительных зрелищ и слышит столько удивительных звуков и где опасность, подобно живой изгороди на проселочной дороге, постоянно сопровождает его слева и справа, странствие по ним не оставит следа разве что в совсем уже бесчувственной душе. Ныне Британия распростерлась далеко за свои пределы, и граница ее проходит по трехмильной полосе территориальных вод у каждого берега, завоеванного не столько мечом, сколько молотком, ткацким станком и киркой. Ибо в анналах истории записано: никакой властитель, никакое войско не в силах преградить путь человеку, который, имея в сейфе два пенса и хорошо зная, где он сможет превратить их в три, направит все свои помыслы на достижение этой цели. А по мере того, как раздвигались рубежи Британии, раздвигались и горизонты ее сознания, покуда все люди воочию не убедились в том, что у этого острова широкий, континентальный кругозор, тогда как у Европейского континента узкий кругозор острова.

Но ничто не дается даром, и горька цена, которую нам приходится платить. Подобно тому, как в старинном предании люди, вынужденные платить дань дракону, каждый год отдавали ему одну юную человеческую жизнь, мы изо дня в день приносим в жертву нашей империи цвет нашей молодежи. Машина огромна, как мир, и мощна, но единственное топливо, способное приводить ее в движение, - это жизнь британцев. Вот почему, рассматривая медные мемориальные доски на стенах наших серых старинных соборов, мы видим чужеземные названия - названия, никогда не слышанные теми, кто возводил их стены, потому что Пешевар, Умбалла, Корти и Форт-Пирсон - это места, где умирают молодые британцы, оставляя после себя светлый пример да медную памятную доску. Но если бы каждому человеку ставили обелиск там, где он лег

в землю, не понадобилось бы проводить пограничную линию: кордон из британских могил служил бы вечным напоминанием о том, каких высоких отметок достигла приливная англо-кельтская волна.

Так вот, это тоже, наряду с влиянием океанских просторов, связывающих нас с миром, накладывает на нас романтический отпечаток. Ведь когда у столь многих любимые и близкие находятся за морем, рискуя погибнуть от пуль горцев или от болотной лихорадки, где смерть разит внезапно, а до родины далеко, люди общаются мысленно, и бытует множество удивительных историй о вещих снах, предчувствиях или видениях, в которых мать зрит своего умирающего сына и переживает первый, самый сильный приступ горя еще до получения дурной вести. В последнее время ученый мир заинтересовался этим феноменом и даже дал ему научное наименование, но можно ли узнать об этом еще что-нибудь сверх того, что в трудный, мучительный миг душа несчастного, смертельно раненого или умирающего от болезни, способна послать самой близкой родственной душе с расстояния в десяток тысяч миль некий образ своего бедственного положения? Я далек от мысли утверждать, будто мы не наделены такой способностью, ибо из всех вещей, которые постигнет мозг, в последнюю очередь он постигнет себя: но все же к подобным вопросам надо бы подходить с большой осторожностью, потому что мне известен, по крайней мере, один случай, когда явление, произошедшее в соответствии с известными законами природы, было принято за совершенно сверхъестественное.

Джон Ванситтарт, младший партнер фирмы Хадсон и Ванситтарт, известных экспортеров кофе с плантаций Цейлона, по происхождению был на три четверти голландцем, но по своим симпатиям - истым англичанином. Много лет проработал я его торговым агентом в Лондоне, и когда в 1872 году Ванситтарт приехал в Англию, чтобы провести здесь трехмесячный отпуск, он обратился ко мне с просьбой снабдить его рекомендательными письмами к людям, знакомство с которыми позволило бы ему немного приобщиться к городской и сельской жизни страны. Из моей конторы он вышел, вооруженный семью такими письмами, и в течение многих недель я получал из разных концов Англии разрозненные послания, из которых узнавал, что он снискал расположение моих друзей. Потом распространился слух о его помолвке с Эмили Лоусон, представительницей

младшей линии Херефордширских Лоусонов, а следом пришло и официальное известие о его бракосочетании, ибо нет у скитальца времени на долгое ухаживание, и уже пора ему было собираться в обратный путь. В Коломбо они должны были отправиться вместе на одном из принадлежавших фирме парусных кораблей с оснащением барка и водоизмещением в тысячу тонн; это плавание, сочетавшее необходимость с удовольствием, обещало стать для них дивным свадебным путешествием.

То был период наивысшего расцвета производства кофе на Цейлоне, еще до того как буквально за один сезон гниlostный грибок погубил плантации и обрек всю тамошнюю общину на годы отчаяния, покуда мужество и изобретательность ее членов не одержали одну из крупнейших коммерческих побед, известных в истории. Ведь не часто бывает, что после гибели единственной и процветающей отрасли люди не пали духом и за несколько лет создали вместо нее новую, столь же богатую. Вот почему чайные плантации Цейлона - это такой же подлинный памятник мужеству людей, как лев у Ватерлоо. Но в 1872 году ни одного облачка не появилось еще на цейлонском горизонте, и надежды кофейных плантаторов были столь же велики и столь же солнечны, как склоны гор, на которых они выращивали свои урожаи. Ванситтарт приехал в Лондон вместе со своей молодой красавицей женой. Я был представлен ей, обедал у них и в конце концов условился - поскольку и меня тоже дела призывали на Цейлон, - что я отправлюсь туда вместе с ними на борту парусника "Восточная звезда", отплывающего в следующий понедельник.

А в воскресенье вечером я свиделся с ним еще раз. Часов около девяти слуга провел его ко мне в комнату. Вид у него был встревоженный и явно нездоровый. Пожимая ему руку, я ощутил, какая она сухая и горячая.

- Не найдется ли у вас, Аткинсон, - сказал он, - сока лайма с водой?

Меня мучит зверская жажда, и чем больше я пью, тем больше она разгорается.

Я позвонил я велел принести графин и стаканы.

- Вы весь горите, - сказал я. - И выглядите неважно.

- Да, я что-то совсем расклеился. Спина побаливает - походке, легкий приступ ревматизма - и не чувствую вкуса пищи. В этом ужасном Лондоне совершенно нечем дышать. Я не привык вдыхать воздух, пропущенный через

четыре миллиона легких, которые втягивают его всюду вокруг тебя. - Он выразительно помахал руками у себя перед лицом, как человек, который и впрямь задыхается.

- Ничего, морской воздух быстро вас вылечит.

- Да, тут я с вами согласен. Это то, что мне требуется. Другого врача мне не надо. Если я не буду завтра в море, я всерьез разболеюсь. Уж это точно. - Он выпил стакан сока лайма и потер костяшками пальцев себе поясницу.

- Кажется, полегче становится, - проговорил он, глядя на меня затуманенными глазами. - Так вот, Аткинсон, мне нужна ваша помощь, так как я оказался в довольно затруднительном положении.

- А в чем дело?

- Вот в чем. Заболела мать моей жены и вызвала ее к себе телеграммой. Отправиться вместе с ней я никак не мог: сами знаете, сколько у меня тут было дел. Так что ей пришлось поехать одной. А сегодня я получаю еще одну телеграмму, в которой говорится, что завтра она приехать не сможет, но сядет на корабль в среду в Фалмуте. Ведь мы, как вы знаете, зайдем в этот порт, хотя, Аткинсон, по-моему, это жестоко: требовать от человека, чтобы он верил в чудо, и обрекать его на вечные муки, если он на это неспособен. Подумайте только, на вечные муки, не больше и не меньше. - Он наклонился вперед и порывисто задышал, как человек, готовый разрыдаться.

Тут мне впервые вспомнились многочисленные истории о злоупотреблении спиртным на острове, и я подумал, что причиной его исступленных речей и жара в руках - выпитое бренди. Ведь лихорадочный румянец и остекленевшие глаза

- верный признак опьянения. Как прискорбно было видеть столь благородного молодого человека в когтях этого дьявола, самого мерзкого из всех.

- Вам следует лечь, - заметил я не без строгости.

Он прищурил глаза, как это делают, стараясь очнуться от сна, и посмотрел на меня с удивленным видом.

- Скоро я так и поступлю, - сказал он вполне разумно.

- Что-то у меня голова закружилась, но сейчас все прошло. Так о чем я

говорил? Ах да, о жене, конечно. Она сядет на корабль в Фалмуте. Я же хочу плыть морем. По-моему, на море я сразу поправлюсь. Мне бы только глотнуть свежего воздуха, не прошедшего ни через чьи легкие, - это враз поставит меня на ноги. Вас же я попрошу вот о чем. Будьте другом, поезжайте в Фалмут поездом: тогда, если мы вдруг запоздаем, вы позаботитесь о моей жене. Остановитесь в отеле "Ройял", а я телеграфирую ей, что вы будете там. До Фалмута ее проводит сестра, так что никаких сложностей возникнуть не должно.

- Я с удовольствием сделаю это, - заверил его я. - По правде, мне предпочтительней проехать поездом, потому что, пока мы доберемся до Коломбо, море успеет нам надоесть. Вам же, по-моему, необходима перемена обстановки. Ну, а сейчас я бы на вашем месте пошел и лег спать.

- Да, я лягу. Сегодня я ночую на борту судна. Знаете, - продолжал он, и глаза у него затуманились вновь, словно подернувшись пленкой, - последние несколько ночей я плохо спал. Меня мучили теолологические... то бишь теолологические... тьфу ты, в общем, сомнения, которые одолевают теолологов, - договорил он с отчаянным усилием. - Я все спрашивал себя, зачем это Господь Бог создал нас и зачем Он насылает на нас головокружение и боль в пояснице. Может, этой ночью сумею выспаться. - Он встал и с усилием выпрямился, опираясь о спинку кресла.

- Послушайте, Ванситтарт, - озабоченно сказал я, шагнув к нему и положив руку ему на рукав, - я могу постелить вам здесь. Вы не в таком состоянии, чтобы выходить на улицу. Вас развезло. Не следовало вам мешать крепкие напитки.

- Напитки! - он с глупым видом уставился на меня.

- Раньше вы умели пить и не пьянеть.

- Даю вам честное слово, Аткинсон, что за два последних дня я не выпил ни капли спиртного. Это не опьянение. Я сам не знаю, что это такое. А вы, значит, подумали, что я пьян. - Он взял мою ладонь своими пылающими руками и провел ею по своему лбу.

- О, Господи! - воскликнул я.

На ощупь его кожа походила на атлас, под которым лежит плотный слой мелкой дроби. Она была гладкой, если прикоснуться к ней в одном месте, но

оказывалась бугристой, как терка для мускатных орехов, если провести по ней пальцем.

- Ничего, - сказал он с улыбкой, увидев испуг на моем лице. - У меня однажды была сильная потница, тоже что-то в этом роде.

- Но это явно не потница.

- Нет, это Лондон. Это оттого, что я надышался дурным воздухом. Но завтра все пройдет. На корабле есть врач, так что я буду в надежных руках. Ну, я пойду.

- Никуда вы не пойдете, - сказал я, усаживая его обратно в кресло. - Дело серьезное. Вы не уйдете отсюда, пока вас не осмотрит врач. Посидите тут - я мигом.

Схватив шляпу, я поспешил к дому врача, жившего по соседству, и привел его с собой. Комната была пуста, Ванситтарт ушел. Я позвонил. Слуга сообщил, что, как только я вышел, джентльмен велел вызвать кэб и уехал в нем. Извозчику он приказал везти его на пристань.

- У джентльмена был больной вид? - спросил я.

- Больной, как же! - улыбнулся слуга. - Нет, сэр, он все время распевал во весь голос.

Эти сведения не были такими утешительными, как показалось моему слуге, но я рассудил, что он отправился напрямик на "Восточную звезду", и коль скоро на борту есть врач, моя помощь ему больше не нужна. Тем не менее, вспоминая его жажду, его горячие руки, его остекленелый взгляд, его сбивчивую речь и, наконец, этот шершавый лоб, я испытывал неприятное чувство и лег спать с тревожными мыслями о моем госте и его визите.

Назавтра в одиннадцать часов я был на пристани, но "Восточная звезда" уже отчалила и спускалась вниз по Темзе, приближаясь к Грейвсенду. Я доехал до Грейвсенда поездом, но увидел лишь стены "Восточной звезды" да дымок тянущего ее буксира. Теперь я больше ничего не узнаю о моем друге до того, как присоединюсь к нему в Фалмуте. Когда я вернулся к себе в контору, меня ждала телеграмма от миссис Ванситтарт с просьбой встретить ее, и вечером следующего дня оба мы были в фалмутском отеле "Ройял", где нам надлежало дожидаться прихода "Восточной звезды". Десять дней о ней не было ничего

слышно.

Эти десять дней никогда не изгладятся из моей памяти. В тот же день, когда "Восточная звезда" вышла из Темзы в открытое море, поднялся крепкий восточный ветер и яростно дул почти целую неделю без передышки. На южном побережье Англии не припомнят другого такого же неистового, ревушего, продолжительного шторма. Из окон нашего отеля открывался вид на море: окутанное туманом, с маленьким полукружьем исхлестанной дождем воды у берега внизу, оно бурлило, бушевало, тяжело вздымалось, сплошь покрытое пеной. Ветер обрушивался на волны с таким бешенством, что срывал со всех валов гребни и с ревом разбрасывал их пеной по всему заливу. Облака, ветер, волны - все стремительно несло на запад, а я ждал и ждал, изо дня в день вглядываясь в эту безумную сумятицу стихий, в обществе бледной, молчаливой женщины, которая с глазами, наполненными ужасом, с раннего утра и до наступления темноты простаивала у окна, прижавшись лбом к стеклу и устремив неподвижный взгляд в серую стену тумана, из которой мог появиться неясный силуэт судна. Она ничего не говорила, но ее лицо выражало страх и страдание.

На пятый день я обратился за советом к одному старому морскому волку. Я бы предпочел потолковать с ним с глазу на глаз, но она увидела, что я разговариваю с ним, и тотчас подошла с дрожащими губами и мольбой во взгляде.

- Значит, семь дней, как парусник вышел из Лондона, - рассуждал он, - а штормит уже пять дней. Так вот, Ла-Манш пуст - его как вымело этим ветром. Тут есть три возможности. Заход в порт на французской стороне. Вполне вероятная вещь.

- Нет, нет, Ванситгарт знал, что мы здесь. Он бы телеграфировал.

- Ах да, конечно. Ну что ж, тогда он мог спастись от шторма в открытом море, и если так, то сейчас он, наверное, где-то не так далеко от Мадейры. Это точно, мэм, поверьте моему слову.

- А что же еще? Вы говорили, есть и третья возможность.

- Разве, мэм? Нет, только две. По-моему, я ничего не говорил о третьей.

Ваш корабль, можете не сомневаться, далеко в Атлантике, и довольно скоро вы узнаете, где он, потому что погода меняется. Так что не волнуйтесь, мэм, и

спокойно ждите вестей, а завтра вы увидите синее-синее корнуоллское небо.

Старый морской волк не ошибся в своих предположениях: утро следующего дня было тихим и ясным, и лишь на западе истаивала низкая гряда туч, как последний уходящий след отбушевавшей бури. Но никакой весточки не приходило из-за моря, и не появлялся на горизонте силуэт "Восточной звезды". Прошло еще три томительных дня, самых томительных в моей жизни, и вот в отель явился с письмом вернувшийся из плавания моряк. Я издал крик радости. Письмо было от капитана "Восточной звезды". Прочитав первые строки, я быстро закрыл листок ладонью, но она успела взяться за край и потянула его к себе.

- Я видела, что там написано, - сказала она спокойно и холодно. -

Позвольте уж мне дочитать до конца.

"Милостивый государь, - гласило письмо, - мистер Ванситтарт заболел оспой, а нас так далеко отнесло вперед по курсу, что мы не знаем, как поступить, поскольку он в бреду и не может отдать распоряжение. По счислению пути мы в каких-нибудь трех сотнях миль от Фуншала, поэтому я счел за благо поспешить вперед, в Фуншал, положить там м-ра В. в больницу и дожидаться на рейде Вашего прибытия. Через несколько дней из Фалмута, насколько мне известно, отплывает в Фуншал парусное судно. Это письмо доставит бриг "Мариан", приписанный к фалмутскому порту, и его капитану причитается пять фунтов.

С уважением, капитан Хайнс".

Замечательная это была женщина, спокойная и сильная, как мужчина, даром что по годам совсем девчонка, вчерашняя школьница. Ни слова не говоря, только решительно сжав губы, она надела шляпку.

- Вы собираетесь выйти?

- Да.

- Могу я вам чем-нибудь помочь?

- Нет, я иду к врачу.

- К врачу?

- Да. Научиться ухаживать за больным оспой.

Весь вечер она посвятила обучению, а следующим утром мы уже отбыли на Мадейру пассажирами барка "Роза Шарона", который, подгоняемый благоприятным ветром, плыл со скоростью десять узлов. За пять дней мы прошли большое расстояние и уже находились неподалеку от острова, но на шестой наступил штиль, и наш барк застыл в неподвижности, мерно покачиваясь на слабой волне и ни на фут не продвигаясь вперед.

В десять часов вечера Эмили Ванситтарт и я стояли на полуяте, облокотясь о поручень правого борта; сзади светила полная луна, и на сверкающей воде лежала черная тень, которую отбрасывал барк и наши собственные головы. А дальше, вплоть до пустынного горизонта, простиралась широкая лунная дорожка, сверкающая и переливающаяся на мягко поднимающихся и опускающихся волнах. Глядя на воду, мы говорили о воцарившемся затишьи, о шансах поймать попутный ветер, о том, какую погоду предвещает вид неба, как вдруг вода без всплеска всколыхнулась - так бывает, когда играет лосось, - и перед нами в ярком лунном свете из воды возник Джон Ванситтарт и посмотрел на нас.

Я видел его совершенно явственно, это зрелище и сейчас стоит у меня перед глазами. Луна светила прямо на него, и он был на расстоянии каких-нибудь трех весел от нас. Лицо у него опухло и кое-где было покрыто темными струпьями, глаза и рот были открыты, как у человека в состоянии крайнего изумления. С его плеч ниспадала какая-то белая материя; одна его рука была поднята к уху, другая, согнутая в локте, лежала на груди. На моих глазах он выпрыгнул из воды в воздух, и волны, пошедшие кругами по зеркальной глади воды, с тихим плеском забились о борт нашего судна. Затем его фигура вновь погрузилась в воду, и я услышал резкий хруст, похожий на треск вязанки хвороста, горячей морозной ночью. Он бесследно исчез, а на том месте, где он только что был, кружился стремительный водоворот на ровной водной глади. Сколько времени простоял я там, дрожа с головы до ног, поддерживая потерявшую сознание женщину одной рукой и вцепившись в поручень другой, сказать не могу. Меня знают как человека толстокожего, не поддающегося эмоциям, но на этот раз я был потрясен до самого основания. Раз и другой постучал я ногой по палубе, чтобы удостовериться в том, что мне не

отказало сознание, и все увиденное не является безумной галлюцинацией помрачившегося рассудка. Я все еще стоял в немом изумлении, когда женщина вздрогнула, открыла глаза, порывисто вздохнула, а затем выпрямилась, опершись обеими руками о поручень, и стала вглядываться в залитое лунным светом море. За один летний вечер лицо ее постарело на десять лет.

- Вы видели его призрак? - тихо спросила она.

- Что-то видел.

- Это был он! Это Джон! Он умер!

Я пробормотал что-то неубедительное, выражая сомнение в этом.

- Нет, он умер в тот же момент, в этом нет сомнения, - прошептала она.

- В больнице на Мадейре. Я читала о таких вещах. Он думал обо мне. И мне явился его призрак. О, мой Джон, мой милый, любимый погибший Джон!

Она разразилась бурными рыданиями, и я отвел ее в каюту, оставив несчастную наедине с ее горем. Той ночью подул свежий восточный ветер, и на следующий день вечером мы, миновав два островка Лос-Десертос, бросили на закате якорь в Фуншалской бухте. Неподалеку от нас стояла на рейде "Восточная звезда" с желтым карантинным флагом на грот-мачте и с полуопущенным британским флагом на корме.

- Вот видите, - быстро сказала миссис Ванситтарт. Сейчас глаза ее были сухи, потому что она уже все знала.

В тот же вечер мы получили от властей разрешение подняться на борт "Восточной звезды". Капитан корабля Хайнс встречал нас на палубе; не зная, в каких словах сообщить дурные вести, он замялся, и на его грубовато-добродушном лице замешательство боролось с огорчением. Но она опередила его.

- Я знаю, что мой муж: умер, - сказала она. - Он скончался вчера вечером в больнице на Мадейре, верно?

Капитан ошеломленно уставился на нее.

- Да нет же, мэм, он умер восемь дней назад в море, и нам пришлось похоронить его там, потому что мы попали в полосу безветрия и не знали, когда сможем подойти к берегу.

Вот основные факты в этой истории о том, как умер Джон Ванситтарт и как

он явился своей жене в море в точке с координатами примерно 35 градусов северной широты и 15 градусов западной долготы. Более ясный случай появления призрака редко бывал описан в литературе. Речь шла именно о появлении призрака: так эту историю пересказывали, в таком виде она попала в печать и была признана учеными кругами. Наряду с многими подобными историями она послужила обоснованием для недавно выдвинутой теории телепатии. Что до меня, то я считаю телепатию доказанной, но хочу исключить этот конкретный случай из числа доказательств ее существования и высказать свое убеждение в том, что в тот лунный вечер перед нашими глазами возник, вынырнув из глубин Атлантики, не призрак Джона Ванситтарта, а сам Джон Ванситтарт. Я всегда считал, что по какой-то странной случайности - одной из тех случайностей, которые кажутся такими невероятными и тем не менее так часто происходят, - наше судно заштилило как раз над тем местом, где за неделю до того был похоронен Ванситтарт. Остальное легко объяснимо. Корабельный врач говорит, что свинцовый груз был привязан не очень прочно, а за семь дней в трупе происходят изменения, в силу которых он всплывает на поверхность. Поднимаясь из глубин, куда оно должно было опуститься под действием груза, тело покойного, как объясняет врач, вполне могло обрести такую скорость, чтобы выскочить из воды. Таково мое собственное объяснение этого случая, и если вы спросите меня, что же тогда стало с телом, я должен буду напомнить вам о раздавшемся хрусте и образовавшемся водовороте. Акула ведь питается у поверхности воды и изобилует в этих водах.